DOI: 10.15643/libartrus-2023.6.3

Российская империя в современном мире

© В. А. Писачкин

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
Россия, Республика Мордовия, 430005 г. Саранск, улица Большевистская, 68.

Email: pisachkin@yandex.ru

Рубеж XX–XXI веков – время изменения геополитической структуры мира. В этом плане актуально обращение к теме, представленной в монографиях Ильина В. В., Дугина А. Г, Панарина И. Н, Филиппова А. Ф. и других авторов. В их работах речь идет о расшифровке имперской судьбы российского общества, проблемах ее взаимосвязи с концепциями исторического времени и социального пространства, политики и культуры в аспектах глобального и национального масштаба, включающих жизненное пространство социума, его культурные, коммуникативные и иные моменты.

Ключевые слова: *империя, жизненное пространство, русская идея, смыслы культуры, социальный контроль, политическая и гражданская ответственность.*

«История имеет глубокий смысл, но он недоступен человеческому познанию», – утверждал К. Ясперс. Понять историю – означает понять себя как ее творцов. Смысл же того, «как творить мир», раскрывается в постижении способа воссоздать себя в этом мире [17].

Жизненное пространство социума асимметрично. Оно связано с эффектами структурирования, текстурирования, масштабирования. *Структура* как морфология пространства – порядок строения, который в процессе развития обретает новые формы (сетевое пространство, пространство потоков, информационное пространство, коммуникационное пространство и т.д.). Есть в этом ряду особые свойства, передаваемые *текстурой*, которые характеризуют особенности внутренней глубины, отмеченные генетической неразделенностью пространства и времени (хронотопом) бытия, а также жизненным фактором братской и родственной связи между людьми (хронотипом).

Российская империя – одна из немногих в мировом опыте, целеустремленно выполняющая культурную, творческую, устроительную миссию в отношении включенных в ее состав народов.

Социальный и природный миры противостоят познающему субъекту, который вживается в ритм бытия, создает сложный рисунок жизни, определенную картину бытия, особый мир.

Таковыми объектами предстают империи. Бытующие суждения обществоведов о естественности «отмирания империй», как минимум, не вполне состоятельны. Империи – *особые* явления, свойственные определенным историческим формам реальности «больших пространств», их «конфигуративной устойчивости», достижительности в производстве жизненных средств. Существование империй подвержено динамике во взаимодействии «отжившего и живого».

Философы, историки, социологи, культурологи рассматривают империи как специфические явления в достижениях различных свойств в организации социума, его культуры.

Империи – ключ и фактор власти как технологии в историческом действии. Империи – совокупность технологий управления и власти, контроля и выживания. Империи – мера количества и качества социального времени. Империя – это свойство особого смысла.

Бытие империй имеет свою онтологию, свою теологию, свою эсхатологию и свою историю. Современные авторы глубоко и проникновенно исследуют энциклопедию империй, динамику их пространственных конфигураций, проблематику и хронологию сакральных монархий, гомологическую структуру политической теологии, процесс вхождения России в современный кризисный и глобальный хронотоп. Образ империи сохраняет значение, смысл – вплоть до настоящего времени [7].

Онтологические основания имперской идеи в современной философии. Империи предстают в качестве духовного явления – в форме *Империи Духа*, которая проявляет себя в разных модусах и аспектах как определенная «онтологическая мера». В онтологической структуре империи Платон признает гипотезу Парменида о соотношении «единого и многого», в котором «Единое прежде бытия». Бытие признается вторым уровнем онтологии. На третьем уровне единое и многое разделяются. Многое становится строительным материалом «мира тел», Единое становится «империей душ». Империя выражает отношение к Единому, «поскольку ее миссия и состоит в объединении всего и всех, земель народов, культур и обществ [5, с. 81].

Империя – государство как определенная *совокупность духа и плоти (тела)*. Одновременно, империя – живая история, как связь поколений, потомков, как былое и бывшее, как многообразие событий, совокупность свершений, живущих в легендарной памяти людей. В общем и целом, империя – это совокупность: а) пространства (территории); б) власти; в) народа, как совокупности народонаселения (нации, популяций, этносов); г) культуры; д) хозяйства. Империя предстает как живой социальный организм, наиболее масштабный и значимый механизм власти. «Империя – государство, которое на данной территории в данном народе стяжают монополию на силовую и правовую инициативу» [7].

В этом плане определенную роль играет предварительная верификация положения дел, проводимых паранаукой ресурсами геомантики, сакральной географии, синтезирующих пространство и дух, месторазвитие и завет-предание, почву и кровь, мир и организацию мира; в чистом виде предлагающая анималистско-гилозоистский масштаб социальных явлений, сплав этатизма и идеократизма. В обозначенном аспекте развертывается социально-философский, политологический дискурс приноровленной территории – культурно-географически самодействующей панидеи. Хорологически панидея предстает как номос, структурированное пространство, рельеф, месторазвитие (Ратцель, Шмитт, Хаусхофер, евразийцы), доводящие до последнего предела чрезмерности сочетания «натуралистического» и «духовного» [7, с. 307].

Объективными причинами возвышения Москвы служил ряд факторов: 1. Географический – Москва удобный перекресток торговых путей; 2. Религиозный – закономерно складывался блок державной светской и церковной власти; 3. Политический – (по вотчинной теории С. Соловьева) наращивание материальных ресурсов, финансов для расширения своей вотчины. Сильная державность способствовала выживанию Руси. Дмитрий Донской превратил Москву в Московию. Иван IV начал превращение Руси в Россию.

Реальность Больших Геополитических Пространств (БГП) предстает как сверхгосударственный объективный фактор рассмотрения России в качестве империи по предметной и функциональной логике выполнения ею сверхгосударственной планетарно-морфологической устроительной миссии, подчиняющей взаимодействие держав, народов своим императивам. Так, функциональная панидея – это организационно упорядоченное, плотно сбитое многообразие, интегрирующее политическое вещество по принципу анаболитических реакций.

Римская идея. В ее «архиве» важное место занимает нравственный идеал. В истории культуры выражение «римская доблесть» стала синонимом несокрушимой стойкости и гражданского мужества, особенно это характерно для республиканского этапа становления империи. Однако в эпоху империи официальная нравственность становится формой безграничного лицемерия, а деградация нравов и разложение морального сознания – достигает апогея. Дело в том, что императоры, проводя политику террора и уничтожения всех инакомыслящих, одновременно проповедовали традиционные ценности – свободу, справедливость, снисходительность. Нравственный идеал древнего Рима остался обращенным в прошлое, в золотой век Римского полиса.

Через три столетия после своего возникновения христианство становится господствующей религией в Римской империи. «Нравственный идеал христианства отвечал потребностям и духовным запросам эпохи. Если мы, россияне, в какой-то степени являемся наследниками высокой культуры древней Греции и древнего Рима, то это произошло благодаря христианству, которое сумело пронести через века социального регресса живое дыхание античной нравственности. Следует признать, были правы древние римляне: „прошлое не умирает“» [3, с. 105]. Оно вторгается в современную жизнь в форме определенных идейных проникновений в современность, напоминаний о былом достоинстве посредством творческих новообразований мыследеятельности, в том числе появлением таких феноменов, как Римский клуб, доклады которого стали важным фактором нового мышления в XX веке.

Панидеи содержат и выражают формулировки присущих им концепций бытия, обосновывают мировоззренческую самобытность; дают объемлющие понятия о месте, роли и назначении притязаний в мире; выделяют программные утверждения, схемы достижения престижа и активы его повышения, дополнительных способов влияния; определяют их относительно родственных единиц; ограничивают возможность вмешательства в перечень вопросов самоидентификации. Однако человечество не едино ни по вере, ни по технологиям, ни по расовым, ни по этническим, ни по национально-государственным признакам.

В русле турбулентных всемирно-исторических перипетий Российская империя – одна из немногих в мировом опыте, целеустремленно выполнявшая культуротворческую устроительную миссию. Последняя направлена на развитие этноса и включала: экспорт переселенцев, а также ставленников этноса (казаки) из метрополии; подкрепляющую экспансию торгово-промышленную колонизацию земель; экспорт бюрократии (привлечение к управлению на местах ставленников из центра); инкорпорацию аборигенной знати во власть; урбанизацию (закладка городских центров как ведущих звеньев системы расселения, обслуживающих хозяйственные, оборонные, административные, образовательные интересы); централизацию управления; интернационализацию армии. Важная роль отводилась поддержанию либерального и терпимого отношения к обычаям покоренных народов. Одновременно проводилось активное наступление на эндогамию (поощрение межнациональных браков, создание энергичной буферной диаспоры и ряд других мер) [7].

В аспекте исторической динамики Россия выражает «средостение» векторных движений, связанных с проявлением зависимостей дальнего порядка, по которым перемещение политического вещества идет в противоположных направлениях: колонизация – с Запада на Восток; варвары – с Востока на Запад. Будучи цивилизационно более отсталой от Запада и нередко менее сильной по отношению к Востоку, Россия достаточно сильна, чтобы противостоять и напору с Запада, и захвату с Востока. Отстаивание суверенитета, борьба на два фронта – задача перманентно и успешно решаемая в веках [9, с. 130].

В аспекте структурной организации пространства империя предстает как большое многофакторное образование, включающее аспекты: *геоклиматический*, *географический*, *геополитический*, *державный*, *цивилизационный*. Среди множества моделей и форм в организации и характеристике социального пространства империи особое место занимают наиболее устойчивые формы определенной политической жизни, власти и культуры. Философы, историки, социологи и культурологи рассматривают империи как специфические понятия в различных аспектах организации жизни социума и его культуры. Они выражают совокупность специфических феноменов социального бытия в истории цивилизаций и территориальное место в их пространстве.

Социальное пространство связано с социологическим воображением. Социологическое воображение по Миллсу – способ понимать то, какое влияние оказывает действие исторических сил на внутреннее состояние и жизненный путь людей. Оно позволяет рациональным способом найти смысл жизни, определить собственную идентичность, занять свое место в обществе, выявить возможные шансы и последствия своих действий.

Д. Харви отмечает целесообразность и актуальность противопоставления «социологического воображения» иному качеству, которым принято считать «пространственное сознание», которое, по сути, является *«географическим воображением»*. Это воображение позволяет осознавать роль пространства и места в его биографии. Оно позволяет развивать у людей отношение к окружающему их пространству и уточнять, насколько взаимодействие между индивидами и организациями подвержено влиянию пространственных достоинств и качеств. Харви предложил собственную модель *методологии* «взаимодействия» или *«наведения мостов»* как сопряжения между представителями наук, как контакт между «теми, у кого есть *«социологическое воображение»* и теми, кто обладает *«пространственным сознанием»*, а точнее – *«географическим воображением»* [16, с. 27].

В социальном плане это коллизии перемен и состояний жизнесферы, а также динамика качеств жизни человека и общества. В *аспекте социального пространства* на современном этапе цивилизация столкнулась с рядом проблем и кризисных состояний в разных аспектах пространственного плана [8, с. 81].

Особая роль отводится противоборству гуманитарным диверсиям. В них широко задействованы технологии применения фальсификаций, искусство производства фальшивок и обмана. Эффекты такого рода имеют пять негативных гуманитарных измерений. Они производят *«разрушение человеческих качеств: это дегуманизация, деформация, деструкция, дереализация, деградация»* (по В. Ильину, это формула 5Д, – *формула сделки с дьяволом по созданию кризисов*) [8, с. 81].

В середине XX в. А. Тойнби писал: «История учит нас, что материальные блага, добытые святыми, которые и не замечали их, не ценили и не стремились к ним, отнюдь не то же самое что мирские блага для обычных священников, которые только к ним и стремятся, забывая при этом долг веры и духовного подвижничества. Если бы… понимание смысла прогресса распространилось на странников – жителей Града Божия, они действительно стали самыми жалкими среди людей, ибо им, как никому другому, известно, что в земной жизни ни души, отягощенные первородным грехом, ни институты не могут двигать прогресс к совершенству» [12, с. 538–540]. Преддверием такой общины современные авторы считают создание «электронной нервной системы» и бизнеса «со скоростью мысли» (по Б. Гейтсу). Интернет многократно усиливает мощь человеческого интеллекта, Интернет структурно копирует «человеческий

мир»; Интернет сглаживает временные и пространственные рамки; Интернет радикально меняет отношение к пространству и времени; Интернет создает множество благ и множество различных форм информационного насилия и угроз [6, с. 131–137].

Российские анархисты считали своим главным лозунгом «Анархия – мать порядка», утверждая, что «Государство возводит в принцип положение, что для того, чтобы установить общественный порядок, необходим верховный авторитет… необходимы вождь и узда…» [1, с. 99]. Фашизм в Германии, покоривший почти всю Европу, фиксировал победы Рейха достижениями в уничтожении узников в концлагерях, сжигаемых в печах Майданека, Бухенвальда и тысячах других лагерей.

Империя есть фон и смысловой горизонт. Империя открывает перед новой локальной элитой целый мир возможного социального продвижения, коммуникаций и влияния. Регулярно практикуются Всероссийские форумы молодежного научного и делового творчества (Валдайский, Дальневосточный и другие форумы, ВДНХ в Москве, другие выставки достижений).

Имперские элиты делают империю темой своей коммуникации. Империя становится предметом обсуждения, сообщения, действия как: а) чистый смысл, безотносительно к своей реализации и реализуемости как имперская идея; б) властная управленческая структура в полноте своей реальности. Империя устойчива, покуда гармонизированы отношения центральной, международной и периферийной элит. Статика имперского пространства не воспринимается как неподвижность, незначимость времени, когда в империи ничего не происходит, имперский смысл превалирует над личными (местечковыми) смыслами. Имперский смысл – особый пространственный смысл, в котором временное измерение играет отнюдь не ничтожную роль [14, с. 129].

Цельность и ценностность – важнейшие скрепы ***империостроения***. Это сила возбуждения и поддержания дисциплинарного тонуса общественных связей сверху и одновременно стимулирование ритмики самодеятельного, инициативного действия, смысл модернизации в достижении странового единства народонаселения [9]. Это универсальная гарантия укрепления державности в разумной опоре на демократичность централизма в ходе модернизации жизненного пространства стран, регионов, народонаселения державы, империи.

Империя для русских людей – держава. В ней, как в особо значимом смысловом пространстве, люди выступают в качестве «соучредителей» своего сообщества, предстают в нем как равные. В социальной науке это предметно содержательный объект для макросоциологии, социологии пространства, социологии жизненного пространства, социологии энергоэволюционизма и множества других социологических и социокультурных дисциплин. Цивилизационное пространство основывается на диалоге, сопряжении множества разных традиций, образующих единый цивилизационный код – универсалии большого пространства.

Империя как «пространство», по оценке А. Ф. Филиппова, представляет парадоксальные темы, переносимые на «смысл неполитических действий и коммуникаций» [14, с. 118]. Последнее десятилетие прошлого века тема империи структурировала политическую коммуникацию, задавая контексты широкого спектра действий и разнонаправленного поведения. В социальных науках, исследующих феномен социальной справедливости, важное место принадлежит теориям «социального пространства», социологии и культуры.

Россия, перехватив у Запада эстафету континентального колониализма, развернула мирную вольнонародную сухопутную колонизацию Азии. Ее итог – освоение Сибири, Средней Азии,

Кавказа, Дальнего Востока с применением мягких социальных технологий, аккультурацией аборигенов [10, с. 370].

Рецептом выживания, способом самосохранения России при такой позиции Запада стала стратегия укрепления власти. Российская *кратократия* явилась средством и возможностью решения национально-государственных проблем за счет предельной концентрации ресурсов нации на ключевых направлениях, позволяющих наладить жизнеобеспечение. Это была своеобразная плата за выживание. Одновременно подчинение церкви в России императорской власти (как метафизической правопреемнице Византии) на фоне ее державных противодействий консолидированным колонизационным европейским давлениям, спровоцировало раскол. Таким образом, раскол России и Европы имеет два корня: идейный и державный. С Европой нас единит вера, с Азией – история. Раскол Рима на западную и восточные половины вызвал раскол Европы. Россия соединилась с Западом через христианство, но через византийское православие отошла от него.

По мысли М. Пришвина: «Природа явилась нам как Родина, и Родина-мать превратилась в Отечество». Идея В. И. Вернадского о ноосфере утверждает единство гармонизации становления общества и природы, гуманизации социальных отношений. Концепция пассионарности Л. Гумилева характеризует пассионарный импульс поведения, направленный против инстинкта личного самосохранения, определяет соответствие нации способности к движению вперед и к переменам [4, 11].

Поведение определяет специфику места. Место – смысловой комплекс. Одновременно, место – элемент сложной текстуры пространства, которая обладает внутренней логикой, задающей определенный ритм и характер действий, определенную последовательность поведения, порядок осуществляемых мер. Место связано с местом, деятельность с деятельностью. Храм, рынок, театр, стадион, парк, цех предназначены для соответствующих целей, определяющих действия, понятные всем [2].

«Империя», созданная народом России, не терпит применительно к себе квалификаций уничижительных. Она есть высококачественный продукт исторического развития, представляющий властно консолидированный, державно продвинутый социум, располагающий мощными единительными духовно-центрическими идейными комплексами [9, с. 162].

Безусловно, существуют множество особых пространств, производящих другие ощущения, нежели порядок, – это пространства беспорядка, неуместности, своеобразные «пространства дураков». С легкой руки М. Фуко такие пространства получили название гетеротопий. Им в 1957 г. прочитана лекция «Об иных пространствах», посвященная гетеротопиям как «другим местам», местоположение которых существует без реального места, в формах «кризисных гетеротопий» разных форм, «гетеротопий девиации» (тюрьмы, психиатрические клиники, дома престарелых и пр.) и другие формы девиантных гетеротопий [15].

Утопия – это место, которого нет, но жанры «утопий» и антиутопий широко представлены в литературе разных направлений, научных и околонаучных, в художественных и других вариациях. Такие пространства чрезмерно разнородны. Их импликации связаны с девиациями как продуктов реальности, так и фактами игры, приемами подтасовок и спекуляций.

Игра как явление культуры (игра как «смеховая культура», игровые элементы современной культуры) занимает огромное место в полистилистической жизни эпохи современного постмодерна реальной жизни. Вопрос о том, насколько опасна эта эрозия для родных просторов, очевиден и ответ напрашивается сам собой. Поскольку за каждым инородным фрагментом

стоит девиация – Отечество в опасности! Продукт извращенных форм бизнеса бесконтролен, а дисфукциональная гетеротопия чрезвычайно ядовита. Одним из видов дьявольского творчества стала офшоризация, как явление современной «модели мира» в производстве образа «особого общества» и «особого человека».

Появление могущественных и вездесущих офшорных миров стало серьезнейшим вызовом для государства и для граждан. Разнообразные формы офшоров производят новые формы власти, снимают ответственность с могущественного «офшорного класса» и ограничивают возможности для демократического управления. Офшоры стали ключом к непрерывному усилению класса богатых. Офшор пронизывает все. «Офшор – это метафора, обозначающая… непрозрачность жизни, попавшей в зависимость от тайн и лжи». Дж. Урри подчеркивает, что «неформальный термин „класс богатых“ обозначает гипотетическую классовую общность, которую составляют люди и семьи с большим личным капиталом, собственники крупных корпораций и компаний по оказанию профессиональных услуг, многие аналитические центры и лица, принимающие важные политические решения. На „Западе“ совокупность изменений, связанных с изобретением „Всемирной паутины“ породила „глобальный оптимизм“ – ожидание прогрессивного открытого будущего. После „победы“ в холодной войне Запад видел своей задачей переделать весь мир по своему подобию – глобальному, ориентированному на потребление и лишенному границ» [13, с. 9–17].

Право на державу, подчеркивает В. В. Ильин, всегда имеет только и исключительно «нация», в смысле расселенный на территории народ, а не входящий в него компактно или дисперсно представленный этнос. Известные до сих пор попытки совместить «государство» с «этносом», всегда влекут как правило [9]: либо геноцид (Германия времен III Рейха), либо политический экстремизм (поражение иноплеменников в гражданских правах в странах Балтии), либо шовинизм (выдавливание иноплеменников из мест проживания коренного населения в регионах Кавказа и Средней Азии как череда событий образца середины 90-х гг. XX в.).

По мысли этого ученого, мотив уникальности российского цивилизационного универсума никогда не имел ничего общего с остальной (цивилизованной) Европой, по меркам которой – «умом Россию не понять, аршином общим не измерить», не объяснить нормальными законами разума. Опираясь на законы физики, Россию можно уподобить единому колебательному контуру, фазовые изменения и переходы в котором обусловлены возмущениями его стержневого качества – взаимодействием власти с народом.

Россия и Европа – различные виды цивилизаций, опирающиеся на несходные принципы существования. Основу цивилизации образуют жизневоспроизводящие ценности, налаживающие жизнь, поддерживающие бытие людей. Глобальное выживание обеспечивают общечеловеческие универсалии, гуманитарные инварианты. В терминах традиционной теории цивилизаций три уровня предметности: цивилизационные универсалии (ФСК) – культурно (социально)-исторические типы – цивилизационные уникалии (локальные цивилизации) [9]. У империй как единиц социальности повышенной сложности существуют две уязвимых проблемы: политэтнизм и кратократизм.

Модель органической государственности (в версии этнократии) как «государство – этнос», предполагает принадлежность к этносу решающим фактором политико-юридического, публично-правового, институционально-должностного вовлеченного участия. На щит поднимается лозунг «Государство (страна, держава, земля) не для населения, а лиц конкретной национальности». Однако он трудно осуществим для многонациональных стран. Для них

вполне благоразумно социально и жизненно перспективно трактовать единый в государстве народ не как этническую, а как гражданско-политическую общность.

В. Ильин справедливо считает, что эту схему трудно осуществить для модели многонациональных стран. Радикальная версия первого – версальская идея всемирного плана политической организации, где каждый этнос является государством. Радикальная версия купирования кратократизма – демократизация, обеспечение прав человека, гражданина, народа, законодательное пресечение проявлений гнета, насилия, тирании. При этом, слабость империй сказывается в обеспечении интересов отдельных народов, наряду с воплощением принципов демократии. Сила и право – первейшие рычаги имперостроения. У кого сила – у того право. Нерв бытия империи – равновесие между властью (силой) и гражданином (народом). Укрепление империи, а именно использование ее ресурсов для соблюдения интересов народов державы – актуальная задача для России как империи [9].

С учетом того, что целостность Евразии для России – factor prima, а также того, что исторически и державно обеспечивается он имперски, вопрос заключается не в том, как отменить империю в России, но в том, как сделать ее цивилизационно эффективной. Задача состоит в обеспечении возможности гармонизации человека (народа) и власти (государства) в рамках нации. Эта задача выражает содержание «русской идеи» в современной транскрипции [7].

Социальная динамика. Становление империи в качестве современного канона российской жизни требует необходимого имперского государствообразования, преобладающими факторами которого являются: консолидация жизненного пространства; формирование институтов в лице права, бюрократии, аппарата, инстанций; упрочение территориальных социокультурных общностей с характерным языком, самоназванием. Активизация «плавильного котла» городской культуры, развитие коммуникационных сетей, прогресс внутреннего обмена, рынка.

В функциональном смысле государство реализует способ дисциплинарной структуризации (консервации, трансформации, гармонизации, инициации) в пространстве социальных взаимодействий, нацеленных на поддержание целостности и константности континуальной народно-державной (т.е. собственной) жизни с использованием всех доступных средств, в том числе легитимной монополии на насилие. Тогда как право это – рычаг задания общественной дисциплины лишь в ординарные периоды групповой жизни. Государство как феномен – агрегирует порядки и регламенты [7], в которых совместно выражается легальный институт конституирования интересов целого: главенства (кратократический регламент); господства (регламент доминирования); правления (регламент подчинения); управления (регламент соподчинения); права (дисциплинарный регламент).

Идеал государства. Идеал государства – категория сочетательная, формирующаяся на встречном движении представлений об условиях процветания каждого элемента государственной триады: народа (нации, этноса, общества, личности) – власти (институты) – территории (страна); и предпосылок их резонансности. Идеал как совершенное состояние, высшая цель как безупречная модель самоценной организации, достигаемая опытом установления балансов народа, власти и территории. Завещанное нам предками обязывает: мы не выполним своей гражданской миссии, если не сделаем необходимых выводов, не положим в основание жизни иную стратегию – стратегию национального величия, подобающую богатейшему мощнейшему государству [7, с. 62].

Жесткая империализация заменяется мягкой цивилизацией; имперское поглощение уступает место региональному сотрудничеству в пределах культивирующей миссии русской

панидеи [7]. Держава заявляет о внутренней мощи как империи, как энтелехия панидеи. Конвертируя посягательство в посвятительство, империя оказывается формой умножения социальных преимуществ путем прямой инкорпорации цивилизации в территорию.

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №230750).

Литература

1. Бакунин М. А. *Философия, социология, политика.* Москва: Правда, **1989.** 622 с.
2. Бахтин М. М. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса.* Москва: Художественная литература, **1965.** 527 с.
3. Брейкин О. В. *Мораль древнего Рима.* Саранск: Издательство Мордовского университета, **1992.** 107 с.
4. Гумилев Л. Н. *Этногенез и биосфера Земли.* Ленинград: Гидрометеоиздат, **1990.** 528 с.
5. Дугин А. Г. *Бытие и империя. Онтология и эсхатология Вселенского царства.* Москва: АСТ, **2023.** 784 с.
6. Зубрилин А. А., Александрова Р. И. Интегрировавшие в интернет // *Человек.* **2002.** №4. С. 131–135.
7. Ильин В. В. *Российская Империя: отжившее и живое: монография.* Москва: Проспект, **2023.** 383 с.
8. Ильин В. В. *Теория познания. Критика инструментального разума. Speciosa Miracula: тотальный мировейник: монография.* Москва: Проспект, **2020.** 160 с.
9. Ильин В. В., Кевбрин Б. Ф., Писачкин В. А. *Макросоциология: учебник.* Саранск: Тип. «Красный Октябрь», **2004.** 304 с.
10. Ильин В. В., Панарин А. С. *Философия политики.* Москва: Изд-во МГУ, **1994.** 283 с.
11. Ильин В. В., Ахиезер А. С. *Российская государственность: истоки, традиции, перспективы.* Москва: Изд-во МГУ, **1997.** 384 с.
12. Тойнби А. Дж. *Постижение истории: сборник.* Москва: Прогресс, **1991.** 736 с.
13. Урри Дж. *Офшоры.* Москва: Издательский дом «Дело» РАНХи ГС, **2017.** 288 с.
14. Филиппов А. Ф. *Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы: в 2 т.* Санкт-Петербург: Владимир Даль, **2014.**Т. 1. 550 с.
15. Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы.* Москва: Ad Marginem, **1999.** 478 с.
16. Харви Д. *Социальная справедливость и город.* Москва: Новое литературное обозрение, **2018.** 440 с.
17. Ясперс К. *Смысл и назначение истории.* Москва: Республика, **1994.** 527 с.

Поступила в редакцию 13.10.2023.
После доработки – 23.11.2023.

DOI: 10.15643/libartrus-2023.6.3

The Russian Empire in the modern world

© V. A. Pisachkin

National Research Ogarev Mordovia State University
68 Bolshevistskaya Street, 430005 Saransk, Republic of Mordovia, Russia.

Email: pisachkin@yandex.ru

The turn of the 20th–21st centuries is a time of change in the geopolitical structure of the world. In this regard, it is relevant to address the topic presented in the monographs of Ilyin V. V., Dugin A. G., Panarin I. N., Filippov A. F., and other authors. Their works are about deciphering the imperial fate of Russian society, the problems of its relationship with the concepts of historical time and social space, politics and culture in aspects of a global and national scale, including the living space of society, its cultural, communicative and informational aspects.

Keywords: empire, living space, Russian idea, meanings of culture, social control, political and civil responsibility.

Acknowledgments. The article is published under the financial support of "Sotsial'no-Gumanitarnoe Znanie" Publishing House (Decision No. 230750).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Pisachkin V. A. The Russian Empire in the modern world // *Liberal Arts in Russia.* **2023.** Vol. 12. No. 6. Pp. 340–350.

References

1. Bakunin M. A. *Filosofiya, sotsiologiya, politika [Philosophy, sociology, politics].* Moscow: Pravda, **1989.**
2. Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa [The works of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance].* Moscow: Khudozhestvennaya literatura, **1965.**
3. Breikin O. V. *Moral' drevnego Rima [Morality of Ancient Rome].* Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, **1992.**
4. Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and biosphere of the Earth].* Leningrad: Gidrometeoizdat, **1990.**
5. Dugin A. G. *Bytie i imperiya. Ontologiya i eskhatologiya Vselenskogo tsarstva [Genesis and Empire. Ontology and eschatology of the Universal Kingdom].* Moscow: AST, **2023.**
6. Zubrilin A. A., Aleksandrova R. I. *Chelovek.* **2002.** No. 4. Pp. 131–135.
7. Il'in V. V. *Rossiiskaya Imperiya: otzhivshee i zhivoe: monografiya [Russian Empire: obsolete and living: monograph].* Moscow: Prospekt, **2023.**
8. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Kritika instrumental'nogo razuma. Speciosa Miracula: total'nyi miroveinik: monografiya [Theory of knowledge. Critique of instrumental reason. Speciosa Miracula: total anthill: monograph].* Moscow: Prospekt, **2020.**
9. Il'in V. V., Kevbrin B. F., Pisachkin V. A. *Makrosotsiologiya: uchebnik [Macrosociology: textbook].* Saransk: Tip. “Krasnyi Oktyabr'”, **2004.**
10. Il'in V. V., Panarin A. S. *Filosofiya politiki [Philosophy of politics].* Moscow: Izd-vo MGU, **1994.**
11. Il'in V. V., Akhiezer A. S. *Rossiiskaya gosudarstvennost': istoki, traditsii, perspektivy [Russian statehood: origins, traditions, prospects].* Moscow: Izd-vo MGU, **1997.**

12. Toynbee A.J. *Postizhenie istorii: sbornik [A study of history: collected works].* Moscow: Progress, **1991.**
13. Urry J. *Ofshory [Offshoring].* Moscow: Izdatel'skii dom "Delo" RANKhi GS, **2017.**
14. Filippov A. F. *Sociologia: nablyudeniya, opyty, perspektivy: v 2 t. [Sociologia: observations, experiments, prospects: in 2 volumes].* Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', **2014.** Vol. 1.
15. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [Discipline and punish: The birth of the prison].* Moscow: Ad Marginem, **1999.**
16. Harvey D. *Sotsial'naya spravedlivost' i gorod [Social justice and the city].* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, **2018.**
17. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii [The origin and goal of history].* Moscow: Respublika, **1994.**

Received 13.10.2023.
Revised 23.11.2023.